

Раздел IV
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ПРОБЛЕМ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Part IV. PHILOSOPHICAL-METHODOLOGICAL
ANALYSIS OF THE PROBLEMS OF HISTORY EDUCATION

УДК 930(075.8)

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ
ЕВРОПЕЙСКИХ И РУССКИХ ИСТОРИКОВ
XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.

К. Б. Умбрашко (Новосибирск)

В статье представлены философско-методологические поиски в русской историографии первой половины XIX в. Проанализированы теоретические положения изучения исторических процессов. Научные выводы сделаны на основе анализа научных сочинений авторов, придерживающихся критического метода.

Ключевые слова: русская историография, критический метод, теория, методология, исторический процесс.

THE PHILOSOPHICAL-METHODOLOGICAL QUEST
OF THE EUROPEAN AND RUSSIAN HISTORIANS
OF THE XVIII-th – THE FIRST HALF OF THE XIX-th CENTURY

K. B. Umbrashko (Novosibirsk)

The article presents the philosophical and methodological quest in the Russian historiography in the first half of the XIX century. The author analyzed the theoretical aspects of studying the historical processes. The scientific conclusions are made on the basis of the analysis of the scientific papers of the authors, which used a critical method.

Key words: Russian historiography, critical method, theory, methodology, historical process.

Умбрашко Константин Борисович – доктор исторических наук, профессор, ведущий кафедрой всеобщей истории, историографии и источниковедения Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета.
630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, д. 28.
E-mail: historian09@mail.ru

Любые научные теории необходимо рассматривать исходя из позиций историзма: с одной стороны, учитывая общий уровень развития науки данного периода, с другой стороны, прослеживая истоки и ближайшие последствия формирования данной теории. «Как хаотическое представление о научном достоинстве основных источников русской истории в XVIII в. должно было привести к строгому анализу Шлецера, – писал В. С. Иконников, – так идеалистическое воссоздание самой истории Карамзиным должно было пробудить оппозицию в той среде, которая непосредственно примыкала к критике Шлецера» [1, с. 97]. А. С. Лапшо-Данилевский, отметив, что если в первые десятилетия XIX в. отечественная историческая наука «приобрела, наряду с критическим аппаратом, научно-литературный оттенок», специально указал на то, что с 1830-х гг. она «обнаружила более сознательное стремление к цельному построению нашего прошлого, основанному частью на философских предпосылках, частью на началах строго научного исследования» [2, с. 6].

Если «философия XVIII столетия, подыскиваясь под законы схоластики, под ее условные формы, стремится все изведать опытом, вооружается скептицизмом, отвергает в своих исследованиях синтез – и, с помощью одного анализа, как с анатомическим ножом, смело приступает к делу, излишне надеясь на свои силы. Это стремление до всего дознаться опытом, вне которого не признавать ничего, все разлагать аналитически – стремление, доведенное до крайности, сообщает этому веку отличительный характер, заслуживший ему справедливое название века разрушительного» [3, с. 44]. Именно в XVIII в. на основе рационалистического понимания исторического процесса и новых подходов в критике античных источников в европейской исторической науке возник ученый критицизм.

«Критицизм» в XVIII – начала XIX вв. понимался как исследовательское направление, противоположное догматической философии и отрицающее либо возможность всякого познания (абсолютный скептицизм), либо возможность адекватного действительности познания (относительный скептицизм). Возникнув в Древней Греции (софисты), в новой философии скептицизм возродился в философских трудах Монтеня, Юма, Канта в относительной версии и постепенно воспринимался европейской исторической наукой при разработке античной истории.

Центром критической работы над античными источниками в XVIII в. была «Академия надписей и изящных искусств», основанная в 1701 г. в Париже. В 1720-х гг. именно здесь развернулась дискуссия о достоверности «римской традиции», то есть традиционных источников по истории Древнего Рима (в числе участников этой дискуссии – Р. Пуйи, Н. Фрере). Но в полной мере критическое отношение к историческим источникам вообще и к древнеримской традиции в частности впервые обосновал Луи де Бофор. В 1738 г. вышла его «Диссертация о недостоверности первых пяти веков римской истории» – специальная работа, в которой на основе тщательного изучения источников римской традиции (Тита Ливия, греческих легенд, надгробных речей, старинных песен, фамильных преданий), он сделал главный скептический исторический вывод XVIII в.: сведения Тита Ливия о древнейшем периоде римской истории недостоверны. А поскольку документы, касающиеся этого периода, не сохранились, восста-

новить в Новое время подлинный ход древнейшей римской истории невозможно. Именно Луи де Бофора можно считать основоположником «критицизма» в европейской исторической науке.

Просветительская историографическая традиция была не столь категорична. Как показала С. Whittaker, в XVIII в. влияние «критического духа Просвещения» только усилило убежденность историков в необходимости самостоятельности [4, р. 170]. Итальянский историк Дж. Вико при всем критическом и осторожном отношении к данным греческой и римской традиции предпринял попытку реконструкции «исторического ядра». Он использовал данные поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея» для воссоздания жизни древних греков, восстановления исторической основы в легендах о прибытии Энея в Италию, о правлении римских царей. Однако Вико пришел к отрицанию историчности Гомера и считал, что «Илиада» и «Одиссея» написаны разными авторами и отделены друг от друга столетием. Он выступал против идеализации греческого общества гомеровской эпохи и подчеркивал его низкий, варварский уровень развития. Время составления гомеровских поэм Вико определял исходя из экономического и культурного уровня изображенного в поэмах общества, и относил его к VIII в. до н. э.

Шарль Монтескье в «Рассуждении о причинах величия и упадка римлян» (1734) отмечал лишь идеализацию римской традиции в сочинениях Тита Ливия, искажения исторической действительности в текстах Светония и Тацита, приводя сравнительный материал из разных источников.

Вольтер также придерживался критического отношения к источникам и стремился к тщательной исторической критике. Он опровергал легенды и мифы, неправдоподобные рассказы Геродота и Тита Ливия, скептически относился к данным Светония и Тацита, считая их не историей, а публицистикой. Можно отметить, что в эпоху Просвещения историография не только стала больше интересоваться внутренней жизнью, но и значительно расширила свои временные и пространственные рамки. Именно с просветителями во главе с Вольтером связано развитие критического метода: «критика становится более глубокой, основывается на знании предмета (литературы, морали, политики, военного искусства), опровергает толкование, которое дают тем или иным фактам поверхностные, легковверные или необъективные историки, и пробует воссоздать их на основе логики» [5, с. 154, 155]. Это и было критическое отношение просветителей к источникам, на основе которого сформировались новые принципы исторического исследования.

Русские историки XVIII в., на первый взгляд, а основном поступали наоборот, отстаивая достоверность раннеримских исторических источников. Например, такой позиции придерживался В. К. Тредиаковский, который, исследуя происхождение античной комедии, выступил против скептицизма Луи де Бофора.

Однако при изучении отечественных источников у историков постепенно произошел переход к сравнительно-критическому методу. В. Н. Татищев (1686–1750) в «Истории Российской» писал о необходимости пользоваться «с рассуждением» «генеральными», общими источниками (Повесть временных лет, Степенная книга, Хронограф, Синописис) и «патрикулярными», местными источниками (сказания, жития, записки,

чины венчания на царства, свадебные разряды, четьи минеи). Кроме того, Татищев использовал в своей работе и актовые источники. Именно он первым из русских историков, сравнивая между собой тексты различных списков летописей и отмечая их противоречия, разночтения, заложил основы их критического анализа. Историк отделял достоверные данные летописей от вымысла, выделял в них фольклорные сюжеты, позднейшие вставки, уделяя большое внимание поискам имен летописцев. Древнейшим из известных авторов летописей он считал Нестора, который работал до 1093 г.; затем летопись была продолжена Сильвестром (до 1116 г.) и т. д. До 1156 г., считал Татищев, каждый последующий летописец продолжал текст своих предшественников, затем «во всех летописях разница находится», поскольку с этого года летописание велось в разных городах и появились отличия [6, с. 41–43, 107–125]. То есть первоначально существовало единое летописание, которое затем расходится.

Как отметил еще С. М. Соловьев, «заслуга Татищева состояла именно в том, что он начал с того, с чего именно следовало начать: оставил попытку – не по силам ни своим, ни чьим бы то ни было в его время – писать прагматическую русскую историю и употребил тридцатилетний труд для того только, чтобы собрать, свести источники и, оставя этот свод нетронутым, на стороне, в примечаниях попытаться впервые дополнить, уяснить и подвергнуть критике летописные известия». Кроме того, если сам историк указал на те источники, которые у него были в наличии и те, о которых он только слышал, это является подтверждением его научной порядочности. «Если бы он был писатель недобросовестный, – уточнил С. М. Соловьев свою позицию, – то он написал бы, что все имел в руках, все читал, все знает. Мы имеем полное право в его своде летописей принимать одно, отвергать другое, но не имеем никакого права в неправильности некоторых известий обвинять самого Татищева. Непонятно, как смотрели на Историю Татищева позднейшие писатели, позволявшие себе выставлять его как выдумщика ложных известий» [7, с. 204].

Несмотря на сомнение в татищевских известиях таких крупных историков, как, например, Н. М. Карамзин, именно Татищев впервые подробно перечислил источники древней русской истории. Его труд лишь по форме напоминал летописи, но по содержанию существенно отличен от работ предшественников. Автор собрал, систематизировал и изложил исторический материал в соответствии с доступными ему источниками и попытался выстроить причинно-следственные связи событий, сопоставить русскую и зарубежную историю, дать объяснение историческому процессу, подвергнув критике использованные источники. Эта исследовательская задача ясно прослеживается по примечаниям к «Истории Российской».

В трудах XVIII в. по русской истории очень часто встречаются списки и краткая характеристика использованных источников, отбор которых был обусловлен кругом интересов авторов. Те же группы источников, что и Татищев, использовал М. В. Ломоносов, добавив к ним лингвистические материалы и устные сказания. Летописи и устные предания выделял М. М. Щербатов. На различие в характере заключающейся информации в летописях, хронографах, степенных книгах, родословцах, разрядах, архивных письмах указывал в своих многочисленных работах Г.-Ф. Миллер.

И. Н. Болтин (1735–1792) в отношении к русским летописям занял позицию, которую можно назвать «критицизмом». Рассуждая о летописях, он отмечал: «Нестор конечно не со слов писал свою летопись, а с разных летописей, хотя на них и не ссылается; равным образом и бывшие после него бытописцы, внося в свои летописи многое такое, чего в Несторовой нет, не с предания же то писали, а с других древних летописей, коих сочинителей имена остались нам неизвестными. Итак, нет сомнения, что, и кроме Иоакима, были прежде Нестора летописцы, но писания их от времени утратились» [8, с. 59]. Болтин поддержал общее положение Шлецера о необходимости сравнения и сопоставления сохранившихся летописных списков и «очищения» текста летописи. Болтин применял в своих работах сравнительно-исторический метод, который потом будет использован историками XIX в. В основе исторической концепции Болтина лежала теория о единстве исторического процесса Европы и России. Как следствие, Болтин пришел к убеждению о закономерностях исторического развития.

Таким образом, несмотря на несовершенство исследовательских и издательских археографических подходов к изучению летописных памятников в XVIII в., историки и издатели XVIII в. (В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, Н. И. Новиков, М. М. Щербатов, И. Н. Болтин, Г.-Ф. Миллер, А.-Л. Шлецер, С. С. Башилов, И. С. Барков, Н. А. Львов, И. Е. Глебовский, Г. В. Козицкий, В. Г. Рубан, Э.-С. Стриттер и др.) заложили основу изучения русских летописей как источников. Все сделанное в этой области стало основой для подъема летописной археографии и исторической науки вообще в первой трети XIX в. и во многом способствовало появлению «Нестора» А.-Л. Шлецера, «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина; деятельности Румянцевского кружка, археографических экспедиций, Археографической комиссии; началу издания «Полного собрания русских летописей» и др.

Если историческая мысль XVIII в. подошла к постановке проблемы поиска закономерностей исторического процесса, когда происходил постепенный отход от рационалистического толкования истории через утверждение идей «развития разума», просвещения, влияния географической среды, то основной чертой новой науки в начале XIX в. становится историзм; постепенно утверждалась идея внутренней обусловленности и закономерности исторического развития. «Принцип историзма, – писал Н. Л. Рубинштейн, – рассмотрение исторических явлений в процессе их возникновения и развития, сменяет прагматическое повествование и психологизм, сложившиеся на базе рационализма» [9, с. 198].

В XIX в. – веке науки, истории и романа – историки упорно стремились разместить свою дисциплину в рамках науки, пытались утвердить специфику своего предмета, найти собственные исследовательские приемы и методы. Поэтому методология исторических исследований, несмотря на доминирование идиографии и индивидуализации, попадала под влияние естественнонаучного метода. «Естественнонаучному эксперименту, – отмечал философ XX в. М. Хайдеггер, – соответствует в историко-гуманитарных науках критика источников. Это название означает теперь весь комплекс разыскания, сопоставления, проверки, оценки, хранения и толкования источников. Основанное на критике источников историчес-

кое объяснение, конечно, не сводит факты к законам и правилам. Однако оно не ограничивается и простым сообщением о фактах. В исторических науках, не меньше чем в естественных, метод имеет целью представить постоянное и сделать его предметом [изучения]. <...> Неповторимое, редкостное, простое, словом, великое в истории никогда не самопонятно и потому всегда необъяснимо. <...> При таком способе объяснения великое измеряется обычным и средним» [10, с. 45–46]. Высказывание философа характеризует в первую очередь исследовательскую ситуацию XX в. Но подобные принципы стали осознаваться еще в XIX в., когда исторические исследования характеризовались отчетливо выраженным аналитическим, а не нарративным подходом. В сферу интересов историков попадали отношения между человеком, источником, обществом и средой применительно к прошлому.

Если в XVIII в. большинство историков обращались к источникам *bibentes et fugientes* («на бегу»), то в XIX в., по мнению итальянского историка и философа конца XIX – первой половины XX вв. Б. Кроче, «ни один серьезный ученый не осмелился бы утверждать, что можно заниматься историей без тщательного, скрупулезного, дотошного изучения документов»; пришел конец взгляду на историю как на «проповедь добродетели и прописных истин». Поэтому новый век, отмечал Кроче, заслужил славное имя века истории, которую он «обожествовал и в то же время очеловечил как никогда прежде, которой присвоил центральную роль в жизни и мысли» [5, с. 167, 168]. Один из векторов развития исторической мысли был направлен от романтизма (история нужна самой истории) к позитивизму (историк должен удостоверять, а не оценивать факты). Задачей истории стала нейтрализация национальных или проблемных историографических традиций с помощью «мудрого скептицизма и агностицизма, избрав по отношению к ним позицию слушателя, не пропускающего ни одного выступления и внимательного ко всем» [5, с. 173–174].

В «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина (1766–1826), несмотря на политико-назидательную, художественно-литературную тенденции и прагматизм, несомненно, присутствует критика источника и обоснование собственной позиции документальным материалом. Основной текст – литературное повествование; приложения – самостоятельные документальные примечания (Карамзин ввел в научный оборот большое количество исторических источников: новые летописные списки, например Ипатьевский свод; юридические памятники, например «Кормчую Книгу»; церковные уставы; Новгородскую Судную грамоту, Судебник Ивана III, «Стоглав»; литературные памятники, например «Слово о полку Игореве»; записки иностранцев и др.).

В примечаниях историк не только воспроизводил источник, а следовал критическому методу А.-Л. Шлецера. Например, описывая призвание варягов (том I), в основном тексте историограф назвал Гостомысла героем, «достойным бессмертия и славы в нашей истории», а в примечании 274 писал о легендарности летописного известия о Гостомысле: «предание о Гостомысле сомнительно: в Несторовой летописи, в самой Никонов[ской летописи] и в Степен[ной] Книге нет о том ни слова» [11, с. 54, 240]. Карамзин пытался объяснить смену политических форм, выявить

движущие силы исторического развития, конкретные условия, которые определяли исторические изменения.

Для исследователей российского прошлого методология Карамзина и его описание древней Руси сыграли огромную роль, поскольку, как считал А. Mazour, «поиск общего среди разных мнений – это лучший способ писания истории, принимая во внимание его исключительные права доступа к архивам в статусе официального историографа. Карамзин хотел дать русским историю которая будет очаровывать» [12, р. 83]. Кроме того, историк отказался от просветительской трактовки феодализма и признавал за ним лишь политическую составляющую. Феодализм для Карамзина «был системой насилия и формой благодарности государя верным вельможам, завоевателям за завоевание областей».

Именно благодаря Карамзину институировалась роль ученого-историка в русском обществе. В то же время, несмотря на проявившуюся в начале XIX в. некоторую определенность позиции профессионального историка, уточнение понимания предмета истории как научной дисциплины, определения «наука» и «научная история» оставались расплывчатыми. Историки России в общем наметили план современной концепции науки, в особенности исторической науки первой половины XIX в., и заняли определенное место в общественной иерархии, но, по выражению А. Vucinich, их «триумфальное возвращение» относится только к соловьевскому периоду, то есть к 1850-м гг. [13, р. 335]. Благодаря полемике, развернувшейся вокруг «Истории государства Российского», ставились основополагающие вопросы исторической науки. Должны ли историки быть простыми собирателями исторических фактов или теоретиками? Должна ли их работа иметь моральные функции, или во главу угла необходимо ставить истину саму по себе? Эти вопросы и неточность определения истории как науки создавали пространство для возникновения различных жанров и подходов к историческому изучению. Развитию и обнародованию разнообразных и порой интересных высказываний на эту тему способствовали периодические издания.

Политически Карамзин был героем для консерваторов, для тех, кто ценил его официальный статус историографа, кому нравились его исторические высказывания о позитивной роли автократии в истории России. Для защитников Карамзина в области литературы он олицетворял просвещение. Он боролся за осовременивание русского языка, написал замечательную «Историю государства Российского», а в глазах многих современников воплощал качества идеального россиянина, честно выполняющего свои гражданские обязанности. Выступить против Карамзина означало выступить против «идеального гражданина», против просвещения. Хотя исследователи критиковали его работу за излишнюю литературность, за зависимость от источников и за следование источникам слишком бездумно, без критического взгляда, они признавали, что там, где источники были скудны, Карамзин не украшал историю выдуманными сюжетами. Фактически, именно он выдвинул тезис о постепенном историческом развитии России и показал, что культурный уровень периода становления общественных отношений мог быть не равным тому, что существовало в настоящем.

Трудно не согласиться с мнением Joseph Black, что Карамзин стал «самым авторитетным человеком в русской истории до 1850-х гг.» [14, р. 129–133].

Вопрос об исторических источниках, их выявлении, изучении и публикации в отечественной науке ставился еще в XVIII в. Но только в начале XIX в. он зазвучал в полную силу. Был опубликован «Нестор» Шлецера – первый опыт научного критического издания «Повести временных лет». В 1804 г. создано «Московское общество истории и древностей российских», просуществовавшее до 1929 г. В 1815 г. начинается издание сборников исторических документов, актового материала «Русские достопамятности» под руководством К. Ф. Калайдовича (второй том вышел в свет в 1843 г.). С 1833 г. выходили «Ученые записки Московского университета», ставшие основным, помимо «Вестника Европы», изданием, где печатались трактаты М. Т. Каченовского и его учеников. С 1846 г. выходили «Чтения в Московском обществе истории и древностей» под редакцией О. М. Бодянского, ученика Каченовского, написавшего ряд сочинений в скептическом духе. В 1805 г. открылось казанское Общество любителей отечественной словесности, в 1817 г. – харьковское Общество наук, в 1839 г. создано Общество истории и древностей в Одессе. Все эти общества издавали свои труды, в которых встречаем исторические идеи, связанные с нашей темой.

К этому периоду относится работа Археографической экспедиции (1829–1834) под руководством П. М. Строева, обследовавшей рукописные собрания Троице Сергиевой лавры, Соловецкого монастыря, Софийского собора в Новгороде и др. (с 1830 г. к этой работе подключился Я. И. Бердников). В 1834 г. для изучения собранных материалов Археографическая экспедиция была преобразована в Археографическую комиссию при Министерстве народного просвещения (под председательством П. А. Ширинского-Шихматова), существующую и сегодня при Российской Академии наук. Началось издание «Полного собрания русских летописей» под руководством Я. И. Бердникова; «Актов исторических», «Дополнений к Актам историческим» и т. д. Новый взгляд на исторические источники, вводимые в научный оборот, стал одной из предпосылок формирования «критического» направления в русской историографии.

Иоганн Филипп Густав Эверс (1781–1830) особое внимание обратил на изучение источников по древней русской истории – договоров Руси с Византией X в. и Русской Правды. Исследовательский интерес к актовым законодательным источникам проявился еще в годы обучения в Геттингенском университете. В работе «Geschichte der Russen» («История русов») Эверс писал: «Для моей цели [выявление внутренней стороны развития государства. – К. У.] должен был я подолгу останавливаться на законах и договорах: на первых, так как они являются главным источником знаний о внутреннем состоянии народов; на вторых, потому что они свидетельствуют об основах их внешней деятельности» [15, р. 1]. Книга «Das alteste Recht der Russen» («Древнейшее право русов»), вместе с лекционным курсом «Политика» и философским трактатом «Рапсодические мысли о научном значении естественного права», оформила новые подходы к изучению истории (издана на немецком языке в 1826 г.). Схема Эверса

выглядит следующим образом. Первоначально «в грубом естественном состоянии» существовало каждое семейство «само по себе», отец был «начальником своего потомства»; потомки создавали новые семьи и «род объемлет собою многие семейства», которые объединялись для защиты от внешних врагов, «в каждом из них отец есть господин», главой рода становился старший сын первого родоначальника; объединение родов приводило к образованию племени, главой которого становился старший сын от старшего сына родоначальника; «начальник племени <...> делается мало-помалу <...> могущественным князем. Но первоначальное семейственное отношение, основанное на самой природе, долго еще сохраняет свою силу» [16, с. 14]. Первый период истории каждого народа виделся Эверсу как естественное развитие общественных форм от семьи, как самого простого союза, к народности, как более сложной общественной организации. Здесь во весь голос звучит идея исторической закономерности: поставлены проблемы семейного и родового строя, общественных отношений и государства как высшей формы общественного развития при влиянии философских идей Гегеля. Несмотря на ошибочность мнения, что патриархальная семья предшествует роду, в концепции историка появились принципиально новые моменты. Если в исторической науке XVIII в. государство было начальной фазой исторического процесса, поэтому в описаниях преобладала политическая история, то теперь мы видим убеждение исследователя в необходимости поиска закономерностей исторического развития общественных форм и законодательства.

Как писал Н. А. Бердяев, начало XIX в. было «эпохой разрыхления русской души», которая стала «восприимчивой ко всякого рода идеям, к духовным и социальным движениям»; это было время «универсализма, эпоха интерконфессиональных христианских объединений». Через наполеоновские войны Россия пришла в «непосредственное взаимодействие с Западом», формировалась «русская всечеловечность», характерная для XIX в. Русская мысль XIX в., по мнению Бердяева, была либо западной, либо славянофильской. Решительным западником выступил П. Я. Чаадаев, его западничество было «криком патриотической боли». «Он был типичным русским человеком XIX века верхнего культурного слоя, – писал Н. А. Бердяев. – Его отрицание России, русской истории – типическое русское отрицание». Русская история представлялась ему, по словам Бердяева, «лишенной смысла и связи, не принадлежащей ни к Востоку, ни к Западу – отражение той потери культурного стиля и единства, которая характерна для Петровской эпохи» [17, с. 20, 22–24]. На развитие русской исторической мысли и русской культуры XIX в. существенно повлияло творчество Ф.-В.-И. Шеллинга и Г.-В.-Ф. Гегеля, ставших, по выражению Бердяева, «почти русскими мыслителями».

Философии Шеллинга присущи элементы диалектики: понятия о единстве мира, о всеобщей связи явлений, о развитии как прогрессе, как борьбе противоположностей и умозрительный рационализм. Но закономерность понималась им как реализация абсолютной идеи, которая в самом начале обладала всей полнотой содержания и, не нуждаясь в развитии, раскрывается не в деятельности, а в познании. История человечества представлялась Шеллингу как «откровение абсолюта», Бога, движение к опре-

деленной им цели. В исторической науке эти идеи стали философским обоснованием романтизма, когда народный дух, обычаи, быт, фольклор, верования стали основой исторического исследования. Шеллингизм значительно воздействовало на идеологию 1820–1830-х гг. XIX в. (М. П. Погодин, Н. А. Полевой).

Распространение идей Гегеля, несомненно, было одним из важнейших факторов развития отечественной исторической науки в первой половине XIX в. Гегель впервые последовательно попытался преодолеть разрыв в понимании взаимоотношения между миром идей и реальными фактами. Лекции по философии истории были прочитаны Гегелем в 1822–1823 гг. Всемирная история, по Гегелю, это «не общие размышления о всемирной истории, которые мы вывели бы из нее и желали бы пояснить, приводя примеры, взятые из ее содержания, а сама всемирная история». В понимании Гегеля, цели современной ему исторической науки отличаются от рационалистического подхода XVIII в. Он выделил три направления в историографии: первоначальная история (Геродот, Фукидид – историки, которые «описывали преимущественно протекавшие на их глазах деяния, события, состояния, причем сами они были проникнуты их духом и переносили в сферу духовных представлений то, что существовало вовне»); рефлексивная история (отказавшись от взгляда на историю как на собрание нравоучительных примеров и утверждая единство исторического процесса, Гегель пришел к формулировке системного принципа исторического познания); философская история («Мы должны рассматривать историю в том виде, как она существует, мы должны производить наше исследование исторически, эмпирически»). «Единственной мыслью, которую привносит с собой философия, – писал Гегель, – является та простая мысль разума, что разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно исторический процесс совершается разумно». «Такая история, которая задается целью дать обзор продолжительных периодов или всей всемирной истории, – отмечал Гегель, – должна в самом деле отказаться от индивидуального изображения действительности и прибегать к сокращенному изложению путем применения абстракций, – это сокращение производится не только в том смысле, что пропускаются события и действия, но и в том смысле, что мысль резюмирует богатое содержание». «В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния. В сутолке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего» [18, с. 57, 61–62, 64, 65].

Такой подход не означал отрицания индивидуализирующего взгляда на историю. Философские идеи Гегеля в истории выступали как предпосылки познания, как непрерывный элемент исторического процесса, имеющий факторное значение по отношению к другим элементам и поэтому выполняющий системообразующую функцию.

В конкретных исторических исследованиях ставилась проблема изучения «гражданского быта», истории западноевропейского феодализма;

познания исторических событий «так, как они действительно происходили» (критическое направление в развитии источниковедения); понимание средневековья как источника современного исторического развития [19].

Итак, в исторической науке XVIII – первой половины XIX в. прослеживается неразделенность журнальной, университетской и научной историографических сфер. До 1830 х гг. историческая наука в большой степени развивалась на страницах литературных изданий. Именно на период появления «критицизма» приходится превращение истории в отдельную отрасль гуманитарного знания, когда литературная традиция историописания сменилась научной (то есть прослеживается последовательный учет историографических наблюдений, концептуальных построений, приемов и методов исследования, научного стиля и языка). Большая роль в этом отношении принадлежит, несомненно, критическому направлению. Последовательные требования критического отношения к источникам привели к началу нового этапа всестороннего изучения древнерусских письменных памятников, способствовали изданию большого корпуса архивных материалов (деятельность Археографической комиссии), а значит, введению исторических источников в активный исследовательский оборот.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Иконников В. С.** Скептическая школа в русской историографии и ее противники. – Киев, 1871. – 106 с.
2. **Лаппо-Данилевский А. С.** Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6. – С. 5–29.
3. **Стрекалов Н.** Очерк русской словесности XVIII столетия. – М., 1837. – 111 с.
4. **Whittaker Cynthia Hyla.** The Idea of the Autocracy Among Eighteenth-Century Russian Historians // Russian Review. – 1996. – Vol. 55, N 2. – April. – P. 149–171.
5. **Кроче Б.** Теория и история историографии / пер. с ит. И. М. Заславской. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 191 с.
6. **Татищев В. Н.** Собр. соч. : в 8 т. – М. : Ладомир, 1994. – Т. 1 : История Российская. – Ч. 1. Репринт с изд. – 500 с.
7. **Соловьев С. М.** Писатели русской истории XVIII века // Сочинения : в 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет / отв. ред. И. Д. Ковальченко. – М. : Мысль, 1995. – С. 187–259.
8. **Болтин И. Н.** Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным. – СПб. : Тип. Горнаго училища, 1788. – Т. I–LXIII. – 615 с.
9. **Рубинштейн Н. Л.** Русская историография. – М. : Госполитиздат, 1941. – 660 с.
10. **Хайдеггер М.** Время и бытие. – М. : Республика, 1993. – 448 с.
11. **Карамзин Н. М.** История государства Российского : в 12 т. / под ред. А. Н. Сахарова. – М. : Наука, 1989. – Т. I. – 640 с.
12. **Mazour Anatole G.** The First Russian Revolution. 1825. The Decembrist Movement. Its Origins, Development, and Significance. – Stanford C. A.: Stanford University Press, 1961. – Т. XIII. – 328 p.
13. **Vucinich A.** Science in Russian Culture. Vol. 1: A History to 1860. – Stanford C. A.: Stanford University Press, 1963. – 365 p.
14. **Black Joseph L.** Nicholas Karamzin and Russian Society in the Nineteenth Century: A Study in Russian Political and Historical Thought. – Toronto: University of Toronto Press, 1975. – 264 p.

15. Ewers Joh. Ph. G. Geschichte der Russen. – Dorpat: Sticinsky, 1816. – Т. XVI. – 348 S.
16. Эверс И. Ф. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. Сочинение И.Ф.Г. Эверса / пер. с нем. Иван Платонов. – СПб., 1835. – Т. XII. – 422 с.
17. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. [Репринтное воспроизведение издания УМСА PRESS, 1955 г.]. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
18. Гегель Г.-В.-Ф. Лекции по философии истории / пер. с нем. А. М. Водена. – СПб. : Наука, 1993. – 479 с.
19. Умбрашко К. Б. Историческая наука России: методологические уроки XIX в. // Философия образования. – 2006. – Спец. вып. 2. – С. 146–152.

УДК 930 + 13 + 94(47-57)

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ «НОВОГО ГРАДА» (1931–1938 гг.)

О. И. Ивонина (Новосибирск)

Автор анализирует теоретико-методологические основы историософии «Нового Града», авторами которого были выдающиеся представители исторической науки русской эмиграции: Г. Федотов, Ф. Степун, Н. Бердяев. Показана взаимосвязь их исторических оценок с методологией междисциплинарного синтеза. Сделан акцент на взаимодействии в историософии и историографии «новоградцев» исторической компаративистики, герменевтики, этнопсихологии, культурной антропологии. Сделан вывод о методологическом новаторстве мыслителей русского «религиозного ренессанса», обусловленном опытом переживания исторических катастроф мировых войн и революций, интуицией «заката Европы» и формирования новой эпохи всемирной истории.

Ключевые слова: «Новый Град», историческая наука русской эмиграции 30-х гг. XX века, междисциплинарный синтез, авторы русского «религиозного ренессанса».

THE PHILOSOPHY OF HISTORY OF THE «NEW CITY» (1931–1938)

O. I. Ivonina (Novosibirsk)

The author examines the theoretical and methodological foundations of the philosophy of history of the “New City”, created by the prominent representatives of the historical science of the Russian emigration: G. Fedotov, F. Stepun, and N. Berdyayev. There is shown the relationship between their historical accounts and the methodology of interdisciplinary synthesis. An emphasis is made on the interaction in the philosophy of history and historiography of the “New City” participants between the historical comparative studies, hermeneutics, ethno-psychology, and cultural anthropology. A conclusion is made about the

---

Ивонина Ольга Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета.

630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская 28.

E-mail: ivonina@ngs.ru